

Самые бесправные — кыргызстанцы. Интервью с Омбудсменом КР Т. Бакир уулу

Три года назад, во время избрания в парламенте главного правозащитника страны, накалялись аксыйские события. Сразу после того, как большинство проголосовало за своего же коллегу Турсунбая Бакир уулу, Азимбек Бекназаров, взяв его под руку, увез освобождать более сотни аксыйцев. Это было первое обращение по факту незаконного задержания граждан, и оно было решено положительно.

— Турсунбай Бакирович, Вам иногда не кажется, что Вы взяли на себя слишком большой объем задач?

— Да, вы угадали. Будучи еще председателем Комиссии по защите прав человека при прежнем президенте, я осознал, что защищать права человека — это трудная и очень ответственная работа. В отличие от нынешнего председателя Комиссии Акунова, у меня тогда не было даже своего кабинета, автомобиля и я не получал зарплату от президента. Вы, наверное, помните, что я был оппозиционным депутатом.

После избрания Омбудсменом мытарства мои из-за отсутствия здания продолжились. Только спустя три месяца, после вмешательства президента, предоставили два варианта здания. Но президент о здании, в котором ныне располагается дипакадемия мне сказал примерно следующее: «А Вы не заметили трещину в фундаменте? А если оно обрушится, то обвинят учитывая наши взаимоотношения президента в том, что специально он дал омбудсмену ветхое здание». После чего нам предоставили наш нынешний офис по улице Московской.

В первый год нашего существования, что было обидно, государство выделило на нашу деятельность всего 4 млн. сомов. Наши сотрудники тогда подсчитали, что на защиту одного

гражданина приходится по 80 тыйынов. Мы встали на ноги с помощью БДИПЧ ОБСЕ и ПРООН. Когда «родная» власть отказалась помогать офису Омбудсмена, БДИПЧ выделило 60 тысяч евро на закупку оргтехники, других необходимых вещей.

Я думаю, что с созданием института Омбудсмена мы даже запоздали. Люди давно жаждали появления органа, который бы встал на защиту их прав. В первый же год к нам обратилось 14 тысяч человек. Практика стран Европы и СНГ показывает, что в первый год поступало к ним не более 2 -3 тысяч обращений.

– Что является показателем хорошей работы Омбудсмена? И каковы ваши показатели на сегодняшний день?

– Главным показателем является процент положительно решенных жалоб. На сегодняшний день он составляет 35-37%, то есть по каждому третьему заявлению нам удается защитить интересы граждан. В прошлом году к нам обратилось 15 тысяч человек, на третий год работы – за 10 месяцев этого года обратилось уже 22 тысячи человек.

– Не изменилась ли структура со дня образования института?

– При определении структуры мы взяли за основу опыт института Омбудсмена Польши. Для сравнения: там штат составляет 237 человек. У нас в центральном аппарате и региональных представительствах всего работает 88 человек. Теперь вышел Указ президента от 30 ноября о сокращении численности сотрудников до 79. Что касается структуры, то одна инспекция занимается нарушением прав на судебную защиту. Вторая инспекция – защитой прав лиц, находящихся в местах лишения свободы. Третья инспекция – семейным правом. Есть инспекция по гражданским и экономическим правам, правам человека в сфере образования, здравоохранения, культуры, военнослужащих и членов их семей, на жилье, труд, социальное обеспечение, соотечественников за рубежом и т.п. Чем дальше от столицы, тем больше нарушений прав человека, и поэтому также действует мобильная инспекция. У кыргызского Омбудсмена прав больше, чем у омбудсменов в других странах. Помимо всех других функций, мы

можем представлять в суде интересы, к примеру, несовершеннолетних или психически больных людей.

Кроме того, мы разрабатываем свои предложения в области законодательства. Омбудсмен законодательной инициативой не обладает и потому приходится «упрашивать» Правительство и Жогорку Кенеш принять те или иные поправки в законы. Первое наше обращение было связано с многочисленными жалобами от приезжающих в столицу жителей дальних регионов: без наличия паспорта их могут посадить во временные изоляторы, понятно, что органы милиции начинают требовать с них денег. И поэтому мы обращались к законодателям с просьбой отменить институт прописки. Тем более, что это противоречит заложенному в Конституции страны принципу свободы передвижения граждан страны. К сожалению, нас не поддержали.

Главная задача Омбудсмена – не доводить дело до суда. Но порой приходится сталкиваться с трудностями. Некоторые чиновники до сих пор не понимают серьезность и важность актов реагирования. Бывает, что судьи не допускают к участию в судебном разбирательстве представителей Омбудсмена.

– Кстати, становятся ли публикации в СМИ основанием для расследования?

– Если появляется статья, касающаяся нарушения прав человека, то мы немедленно реагируем и начинаем свое расследование. Большое внимание мы уделяем защите прав детей, и обращение детей к президенту, опубликованное в вашей газете, стало основанием для начала расследования.

– В каких условиях сегодня Вы работаете? Позволяют ли эти условия быть институту Омбудсмена эффективным?

– Ранее здание нашего офиса было приспособлено под таможню – во многих кабинетах нет окон, а значит – естественного освещения и свежего воздуха. Я уже беспокоюсь за здоровье своих сотрудников, потому что иногда им приходится работать сутками – люди обращаются к нам даже по ночам. Только на

третий год я отвоевал увеличение финансирования, но сегодня нам срезают одну треть бюджета...

– ... по-моему, Вы запрашивали 22 млн. сомов?

– Из них из бюджета нам выделили лишь 12 млн. сомов. Мои сотрудники сидят по 7-8 человек в кабинетах, по 3-4 человека за одним компьютером. Зарплата невысокая, в реестр госслужащих их включили только в прошлом году, благодаря чему мы намереваемся сделать небольшие прибавки к зарплате. Недофинансирование института Омбудсмана грозит тем, что мы можем потерять те кадры, которые мы обучили за два – три года работы. Люди уходят, потому что финансовые вопросы не решаются. Сейчас мы не можем «выбить» три автомобиля. Мы не иномарку, как некоторые, хотим приобрести, а дешевые «Жигули». В министерстве финансов ссылаются на то, что есть поручение о сокращении количества служебных автомобилей. Но это касается государственных ведомств, которые существует уже давно. Материальная база Омбудсмана еще не сформирована, нам всего третий год, так о каком сокращении может идти речь? Как сокращать то, чего нет?! На правах человека ведь не экономят! Общеизвестно, что инвесторы приходят в те страны, где государство защищает права граждан.

– К слову, имеют ли право ваши сотрудники проводить инспектирование предприятий с долей иностранного участия?

– Да, такое право заложено в законе. Инспекция охватила крупные компании, такие как «Кумтор» и «Кока-Кола». Мы одними из первых обратили внимание на деятельность золотодобывающего предприятия. После этого факт захоронения вредных веществ всего в 60 км от озера стал общеизвестен. Хвостохранилище рассчитано всего на 8-балльное землетрясение. Недавно произошедшие в Юго-Восточной Азии и Пакистане землетрясения должны были бы дать пищу для раздумий правительству. Кроме того, вышедшую из строя технику на «Кумторе» закапывают в гору, тем самым нанося вред экологии. Как нам объяснили, продавать им невыгодно, так как дело это хлопотное – легче

автомобили закопать, чем проводить растаможку и т.д. Также я побывал на леднике Петрова – воду для очистки пород, которые добываются для получения золота, берут из ледника, а затем возвращают. Мы всегда считали, что у нас не будет проблем с водой. Оказывается, идет загрязнение вод. Конечно, по словам кумторовцев, вода очищается, но эта вода попадает в реку Кумтор, а затем в Нарын. И гарантии того, что здоровью не только наших жителей, но и жителей соседних республик ничто не угрожает – нет. К большому сожалению, к нашим обращениям ни президент, ни правительство, ни депутаты не прислушались. Но благодаря проведенной проверке, в прошлом году удалось добиться компенсации жителям сел, пострадавших вследствие аварии на Барскооне, которую задолжал «Кумтор», и то тогдашние губернаторы и акимы раздавали ее от своего имени.

Проверке подвергаются иностранные фирмы, где эксплуатируется труд наших граждан. Так, в ходе последней инспекции наши сотрудники обнаружили много швейных цехов, открытых здесь китайскими гражданами. Наши девушки работают на них днем и ночью. По некоторым фактам мы намерены обратиться с актами реагирования в прокуратуру, инициировать заведение уголовных дел. Особенно в отношении предприятий, где грубо нарушаются права человека путем проведения, якобы, испытательного срока – зарплату за отработанный срок не выдают и при этом еще и отбирают паспорт.

В то же время, если предприятия работают в рамках закона, мы защищаем их права. В частности, были обращения от иностранцев, и чаще всего их причина – незаконные проверки со стороны налоговиков. К примеру, нам удалось защитить от незаконных действий налоговиков магазин «Osse».

– Вообще, применение испытательного срока является законным?

– Любой труд, согласно Конституции и Трудовому кодексу КР и международным конвенциям, подписанным нашим государством, должен вознаграждаться.

– Но зачастую сами граждане соглашались на любые условия работодателя, ведь уровень-то безработицы высок...

– Да, безработица у нас остается высокой, и поэтому я всегда выступал за бесплатное предоставление паспортов. Произошедшая паспортная история – это ошибка правительства, бессовестные чиновники сделали на ней большие деньги. В итоге – люди не могут выехать за рубеж, где они находили бы более достойный заработок. С новыми пластиковыми карточками ведь дальше Георгиевки не уедешь. Получается, что самые бесправные на постсоветском пространстве – кыргызстанцы.

– Законодательство таково, что посадить в тюрьму могут за банальную кражу курицы. Считаете ли Вы правильным ввести административное наказание за подобные преступления?

– Да, такие случаи встречались в нашей практике. В 2003 году мы помогли получить свободу человеку, отбывавшему срок в тюрьме за кражу кур. В приговоре суда была записана общая сумма кражи – 800 сомов. Его осудили на шесть лет. Государству его содержание обойдется гораздо дороже, более того – он выйдет оттуда матерым преступником. Встречаются ошибки следователей и судей. К примеру, в Оше за кражу килограмма орехов осудили совсем другого человека.

Меня всегда удивляет, когда руководство МВД отчитывается в процентах. Объективность этих показателей весьма сомнительна. Опять-таки из нашего опыта, одному наркоману в РОВД было «пришито» 66 краж. Все нераскрытые в районе преступления приписывались ему. Дают наркотики либо деньги, он подписывает признание. Еще один наглядный пример: парень, которого обвиняли в попытке покушения на Аширкулова, тоже был наркоман. Когда мы проводили инспекцию в СИЗО №1, его пытались спрятать от нас. Он нам признался, что не виноват, вину на него навешали.

– Волнения в колониях, апогеем которых стало убийство депутата, вроде бы стихли. Что теперь?

– В тот день, когда комиссия во главе с депутатом Акматбаевым выехала в колонию №31, к сожалению, к участию в ней не

допустили нашего представителя – мол, женщине среди них не место. Я говорю «к сожалению», потому что, будь там наш представитель, трагической смерти депутата может быть не произошло бы. Мы до этого уже проводили инспекции в этих колониях и знали обстановку. К тому же мы могли бы выступить в качестве арбитров. Теперь же трудно выяснить истину – две стороны дают противоположные версии произошедшего.

Провели обыски в колониях. А что дальше? Нужно найти виновных среди тех, кто охраняет тюрьмы. В тюрьмах изготавливают ножи, но не автоматы. Как они попали туда, как попали наркотики, кобылы, козы? Нужно провести расследование в отношении коррумпированных сотрудников ГУИН и в целом Минюста. Если бы среди них не сложилась такая ситуация, то не было бы смерти четырех человек.

Это хорошо, что правительство изыскало 10 млн. сомов для колоний, но этого явно недостаточно. Нужно решать вопросы с жильем для работников колоний. Многие из них живут в общежитиях. Во многих колониях до нашей инспекции не было врачей – далеко ездить: зарплаты хватает лишь на дорогу туда-обратно. Вообще же надо сокращать численность заключенных минимум в три раза по примеру Литвы – там число заключенных на сегодняшний день составляет около 6 тысяч. А было три года назад как у нас – около 17 тысяч осужденных.

– В скором времени предстоит избрание третьего заместителя Омбудсмана? Известно, что Вы сами кандидатуру не предлагаете, с чем это связано?

– Представлены две кандидатуры – моего уполномоченного представителя в ЖК Т. Кошокова и Ж. Толбашиевой. По моим данным, депутаты хотят представить еще третью кандидатуру. Что интересно, согласно закону об Омбудсмене представлять кандидатуры заместителей должен Омбудсмен, а по закону «О регламенте ЖК» депутаты ЖК. Но я понимаю, что поскольку мою кандидатуру все равно не пропустят, то не стоит возражать по этому поводу. Тем более, что я был депутатом и прекрасно знаю,

как голосуют депутаты. Кого они выберут, с тем я и буду работать. С другой стороны, возникает проблема – нового работника мы не можем элементарно обеспечить рабочим местом, другими условиями труда.

– Признан ли институт Омбудсмана Кыргызстана международным сообществом?

– Нас признали, об этом свидетельствуют приглашения к участию в международных ассамблеях и конференциях. Так, недавно я принял участие в 9-ой сессии Азиатской Ассоциации Омбудсменов, заместитель С. Шер-Нияз – в работе Омбудсменов стран Восточной Европы и СНГ. К слову, Европейский Институт Омбудсменов на три года освободил Кыргызстан от уплаты членских взносов, в следующем году мы будем платить со скидкой в половину суммы. К сожалению, Азиатская Ассоциация не предоставила нам такой льготы. Мы подали заявление на вступление в международное сообщество Омбудсменов.

Интерес к Кыргызстану очень велик, потому что в нашей стране, в плане защиты прав человека, ситуация лучше, чем в других странах центральноазиатского региона.

Беседовала Наргиза Кожомкулова

ОР | www.pr.kg